

Тимофей Веронин

СВИДЕТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

Книга о священнике
Павле Флоренском



Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва
2018

ОТ АВТОРА

Книга эта — не научная биография и не исследование философии священника Павла Флоренского, хотя важнейшие вехи жизненного пути и стержневые идеи отца Павла в ней так или иначе изложены. Но главной моей задачей было показать, чем для меня как представителя поколения, пришедшего в Церковь на рубеже 80–90-х годов минувшего столетия, дорог и важен отец Павел Флоренский.

По своему направлению мой очерк ближе всего к книге Сергея Иосифовича Фуделя «Начало познания Церкви», в которой этот замечательный духовный писатель, исповедник, прошедший через десятки лет лагерей, тюрем и ссылок, делится своими воспоминаниями об отце Павле Флоренском и размышляет над страницами его книги «Столп и утверждение Истины». Конечно, я не могу иметь ни глубины духовного опыта христианского исповедничества Фуделя, ни живой теплоты отношения к своему герою, которого Сергей Иосифович знал лично. И все-таки в этой книге мне хотелось показать, что опыт отца Павла и его образ продолжают жить в сознании людей нашего поколения, что он по-прежнему важен для нас, как и для его современников.

Надеюсь также, что труд мой хоть в малой степени будет содействовать тому, чтобы и следующие поколения прикоснулись к наследию отца Павла Флоренского и ощутили нетленную ценность многого из того, что связано с жизнью и творчеством этого мыслителя и священника-мученика.

Кроме того, не могу не выразить огромную благодарность внуку священника Павла Флоренского игумену Андронику (Трубачеву), без чьего необъятного труда по изучению жизни и творчества и публикации наследия отца Павла невозможна была бы и эта небольшая книга.

ПРОЛОГ

Человек уходит. Река времени заносит его следы на берегу жизни. Они наливаются водой, бледнеют и исчезают. И все же что-то остается от каждого, кто был вызван из небытия к этой жизни, и бывают такие люди, к следам которых все чаще хочется возвращаться. Память о них облагораживает и вдохновляет. Почему? Потому что они, идя своим путем по земным берегам, сердцем принадлежали Небу и вносили в наше житейское бывание дыхание Вечности и продолжали тот вечный сев, о котором говорил Федор Михайлович Достоевский устами своего героя старца Зосимы: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад Свой... но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным...»

Если человек в течение своей жизни знал это прикосновение, если он стремился к нему и жил им, то и следы на песке не расплывутся под разливом реки, но просияют нетленным золотом, как золотиносный песок горной речки.

К таким людям, несомненно, относился отец Павел Флоренский. Вновь и вновь всматриваться в его жизненный путь, вчитываться в его трудные книги — это светлое и радостное дело, которое никогда не остается напрасным, ведь душа находит духовную пищу и слышит

зов Вечности и через знакомство с его жизнью, и через его письменное слово.

Помню, в самом начале моего студенчества, в конце 1980-х годов, когда, воспитанный в советском атеизме, я вместе со многими другими русскими людьми испытал сильнейшую духовную жажду и стал искать истину, меня почему-то очень влек к себе отец Павел Флоренский, хотя я почти ничего о нем не знал. Один приятель дал мне почитать только что вышедшее издание книги этого священника «Столп и утверждение Истины», и я взял ее с благоговением, полистал таинственные, словно бы древние страницы (издана она была репринтом и сохраняла и подобранные автором гравюры, и дореволюционную орфографию), даже начал читать, но почти сразу отложил в сторону — она оказалась мне не по зубам. Нужно было пройти еще многим годам, чтобы книги отца Павла Флоренского открылись мне в своей вдохновляющей золотоносности. «Столп...» остался стоять у меня на полке как неосуществленная мечта об обретении истины, а поиск мой продолжался. И через несколько лет милость Божия привела меня в Церковь. И хотя я не читал в те годы трудов отца Павла Флоренского, но мне сейчас кажется, что его миндалевидные глаза смотрели на меня со страниц непрочитанной, но оставшейся в моей комнате книги и звали к Богу.

Потом я не раз читал и перечитывал отца Павла, вглядывался в его личность, в его путь,

и всякий раз душа моя замирала от какого-то сладкого, радостного чувства. Кажется, еще немного — и через его облик, через его слово открывается какая-то бесконечная, все освящающая перспектива. «...Вся сила его, — некогда утверждал Сергей Фудель, — в обаянии его духовной личности, помогающей и нам ощутить “ликующую тайну” Вечности». В нашей небольшой книге хотелось бы хоть в малой степени донести эту «ликующую тайну», передать то прикосновение к мирам иным, которое одухотворяло жизнь и творчество отца Павла Флоренского.

РОД ОТЦА ПАВЛА

Новый Завет начинается с родословия Иисуса Христа, давая нам образец того, как надо начинать повествование о любом человеке, ведь каждый из нас не только самостоятельная личность, но и крохотная клеточка вселенского Адама, малый росток на ветвях древа многотысячелетней истории всего человечества. И нам очень важно ощутить, что корнями наша индивидуальность уходит в жизнь предыдущих поколений, в ту почву, на которой вырос наш род, наша семья.

Сам отец Павел придавал этому огромное значение. В своем завещании, составленном в катастрофические послереволюционные годы, он настойчиво просил своих детей: «Не

забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением их памяти». В это же время он собрал обширные сведения о своих предках. Но еще в молодости Флоренский остро переживал связь с ушедшими поколениями. «Вглядываясь в душу свою, прислушиваясь к подземным звукам ее, — писал он, — я с течением времени проникаю все глубже в недра ее, переживаю слои души моей. Каждый вновь найденный слой бывает необычайно осязательным, и тянет к себе, и волнует, наполняя душу несказанной сладкой тоскою, непонятными порывами вдаль, которые я видел давно где-то. Это предки мои говорят во мне, и чем далее, тем яснее я вижу, как мало во мне “моего” и как много от предков. Предки живут во мне, в нижних слоях души моей, и я тоскую по ним».

Да, наши предки живут в нас, говорят, манят к себе. Наши невольные предпочтения и внезапно вспыхивающие страсти, наши попытки вспомнить что-то драгоценное, но словно утраченное некогда, наши привычки и склонности — все это часто исходит из многослойного родового наследия, которое есть у каждого из нас. Русский человек в этом смысле занимает особое положение. Соединяя Восток и Запад, Азию и Европу, он нередко хранит в своих жилах кровь и европейскую, и азиатскую. У нас, русских, одна прабабушка может быть немкой, другая — татаркой, и временами мы ощущаем своими и возвышенные



Иван Андреевич Флоренский

хоралы Баха под сводами готического собора, и заунывную домбру степного акына, поющего о подвигах могучего батыра.

Вспоминая своих предков, отец Павел говорил, что ближайший слой его души, связанный с увлечением естественными науками и математикой, идет от отца и деда. Они были людьми, проникнутыми новыми веяниями. Дед Павла Александровича Флоренского — Иван Андреевич — после окончания семинарии не пошел по стопам своих предков-священнослужителей, но поступил

в Военно-медицинскую академию и стал военным врачом, хотя ради этого пришлось ему решиться на разрыв с отцом и обречь себя на долгие годы полунищего существования. Отец Павел утверждал, что сам святитель Филарет (Дроздов) уговаривал его деда пойти в Духовную академию, прочил его в монахи и даже в митрополиты. Но обаяние новых идей оказалось сильнее. Такой отказ от священнослужения — один из важнейших духовных феноменов девятнадцатого столетия. Многие дети священников, диаконов и дьячков уходили из духовного сословия, оставляли таинственную тишину священнодействия ради практической деятельности. Так, сын бедного дьячка Михаил Сперанский становится одним из важнейших государственных деятелей, сын простого священника Николай Добролюбов превращается во властителя молодых умов — литературного критика и журналиста, который сознательно отказывается от «загробных обольщений», отец Достоевского, так же как и дед Флоренского, не идет по стопам предков-священнослужителей, а становится военным врачом. Нередко из священнических родов в девятнадцатом веке выходила так называемая демократическая интеллигенция, которая разрывала с Церковью, подобно Чернышевскому и Добролюбову, и готовила революцию, как герой поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» Гриша Добросклонов, который происходил из духовного сословия.

Вслед за дедом отец П. А. Флоренского — Александр Иванович — продолжил светское научное направление и стал строительным инженером, прокладывал железные дороги и сознательно изгнал из своей жизни всякие вопросы, связанные с религией. Отец и дед дали Павлу интерес к науке, в первую очередь к математике и физике. И это был не просто интерес, а, по словам самого П. А. Флоренского, «неперестающая любовь, как что-то сладко-жгучее и греющее, тянущая к себе». И эту любовь сохранил он на всю жизнь.

Вглядываясь в род своего отца и деда, П. А. Флоренский видел за ними поколения прадедов-священнослужителей. Он переживал как трагическую ошибку, как отступление их уход от родового священства и сам в себе ощущал тягу к богослужению. Заглядывая в глубины души, он слышал отрывки песнопений, видел клубы ладана, и ризы, и иконы, и воздевания рук. Его влекла к себе глубина литургического тайнодействия, и в родовой памяти он улавливал трепет сердца перед совершающейся бескровной жертвой.

*Деды отшедшие, деды-священнослужители,
Нитью серебряно-звонкою тянете вглубь,
к тайнодействиям.
Слышатся гимны священные. Клубами ладана
С синими лентами тянется дымное кружево.
Отзвуки службы идут торжествующе-
праздничной... —*

писал в своих юношеских стихах Флоренский, изображая свое неодолимое родовое влечение к алтарю и богослужению. Принятое впоследствии священство было для него как бы выпрямлением пути отца и деда, возвращением к предкам. Уже будучи священником, обращаясь к своим детям, отец Павел писал: «Мое убеждение, что роду нашему должно иметь представителей у Престола Божия. Мое чувство, что тысячи вразумлений Божиих... направляют наш род к одной цели — не изменять назначенному нам стоянию в алтаре Господнем. Отказ от этого стояния, бегство алтаря приведет к тяжелому року над нашим домом». Можно сказать, что пока этот завет отца Павла исполняется: по крайней мере, один из его внуков — игумен Андроник (Трубачев) — предстоит алтарю.

Но взгляд Флоренского не останавливался на пращурах-священниках, Павел вглядывался все дальше и глубже и слышал зов всех своих предков. «Еще ниже, и я пьянею и замираю от запаха земли, черной, свежевспаханной, напитанной талой водой, влажной и чуть теплой под лучами солнца... Предки мои, пахари, возьмите меня к себе. Жду вас, тоскую по вам», — писал Флоренский. Он слышал в своей родовой памяти отзвуки древних молитв под священными деревьями, что-то говорили его душе древние обряды и мистерии. Павел ощущал, что в нем живет и дохристианское прошлое человечества. Для него было



Семья Флоренских (*слева направо*: Александр Иванович Флоренский — отец, Раиса Александровна Флоренская — сестра, Ольга Александровна Флоренская — сестра, Павел Александрович Флоренский, Елизавета Павловна Мелик-Беглярова (Сапарова) — тетка по матери, Елизавета Александровна Флоренская — сестра, Ольга Павловна Флоренская — мать, Юлия Александровна Флоренская — сестра, Александр Александрович Флоренский — брат). Тифлис. Октябрь 1899 г.

очень важно, что по матери он принадлежал к старинному армянскому роду Сапаровых и Мелик-Бегляровых, корни которого уходили к древнейшим жителям Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Несколько восточные черты его лица, большие темные глаза, длинный нос, смуглая кожа — все это хранило на себе отпечаток глубокой древности. И Флоренский с напряженным вниманием всматривался в древние религии и культы, в древнюю философию, видя там ожидание и предощущение того, что открыто было человечеству через Христа.

Отец Павел чрезвычайно любил далекое прошлое человечества за цельный и живой взгляд на мироздание, за неколебимую убежденность, что все в этом мире творится только благодаря высшим силам, неотмирным и непостижимым. Пускай древний человек еще не знал настоящего имени этой силы, но он был бесконечно далек от трезвого рационализма современности, который всему ищет поверхностно-материальное объяснение. Мифологический, сказочный взгляд на мироздание был отцу Павлу Флоренскому, несмотря на всю его искушенность в естественных науках, гораздо ближе так называемой научной картины мира. Усваивая физическое объяснение, человек нового времени перестает чувствовать одухотворенную символичность всего, что окружает его. Простейший пример — гроза. Утверждая, что гром

и молния — это явления, связанные с атмосферным электричеством, и поставив громоводы, нынешний человек не слышит в молнии и громе гласа Божия, который звучал тысячами для каждого живого существа. А ведь на самом-то деле — не для того ли и сотворена в мире гроза, чтобы мы памятовали о грядущем ответе на Страшном Суде? И научное объяснение никак не отменяет духовного значения этого явления. Древний человек обладал ощущением чудесности, необъяснимости бытия, умел восхищаться очередным восходом солнца или приходом весны, ведь для него это было победой сил света над силами тьмы, а не просто периодическими явлениями природы. К такому же взгляду на мироздание стремился отец Павел, ощущая свое сокровенное родство с жившими тысячелетия назад пахарями и скотоводами, которые с трепетом и удивлением взирали на наполненную духовной жизнью природу.

РОЖДЕНИЕ

Родители отца Павла — Александр Иванович и Ольга Павловна — повенчались в 1880 году и жили затем в Закавказье, где глава семьи трудился в качестве железнодорожного инженера, прокладывая по сложному горному рельефу дороги, акведуки и мосты, по которым

и до сих пор передвигаются местные жители. Там-то, в местечке Евлах, в товарном вагоне поезда, где семья Флоренских жила тогда, 9 января 1882 года и родился их первый сын — Павел. Это случилось между шестью и семью часами вечера накануне воскресенья. На небе начинали брезжить звезды. Наступало время тихого отдыха, время раздумья. Всю жизнь отец Павел более всего любил вечерние часы. «Этот вечеряющий час, между шестью и семью, — писал он в своих воспоминаниях, — всегда был моим часом, и по сей день нет для меня ничего сладостнее, мистичнее, в хорошую сторону, чем этот час прозрачности, мира и наступающей прохлады. Зажигающаяся звезда вечерняя, огонь в сумерки». А в другом месте он писал: «А отойти бы, как и родился — на закате. И когда возьмусь отсюда, пусть тот, кто вспомнит мою грешную душу, помолится о ней при еле светлой заре, утренней ли, вечерней, но тогда, когда небо бледнеет, как уста умирающей... Тогда трепещет “инога бытия начало”. Тогда ликует новая жизнь».

Неизвестно, когда прозвучал страшный выстрел в тюрьме под Ленинградом: вряд ли вечером. Хотя кто знает?! Но не раз в закатный час, по завету самого отца Павла Флоренского, приходилось мне, бредя где-нибудь в поле или по берегу реки, поминать «убиенного иерея Павла», и, бывало, чувствовалось, как нечто в глубине сознания радостно трепещет в ответ.

Час угасания дня, когда стихает трудовая суэта и нет еще дремотной усталости ночи, дóрог был отцу Павлу тем, что сквозь него яснее и четче проступает то, что было для него всего драгоценней: Вечность.

Названный именем апостола язычников, отец Павел большое значение придавал своему имени. Вообще, в среднем возрасте он много размышлял об именах, об их таинственном влиянии на человека. Глубоко почитая философию Платона, вживаясь в нее корнями своего мирозерцания, отец Павел видел в имени некую идеальную сущность, платоновский «эйдос» человека. Давая ребенку имя, мы как бы определяем некоторое направление развития его личности и судьбы. Конечно, каждый из нас свободен и способен поступать вразрез с тем, что звучит в его имени, но все равно человек не может уйти от его сокровенного влияния на свою личность. Каждый раз, когда в семье рождается ребенок, испытываешь какую-то таинственную радость при мысли о выборе имени, ощущаешь, что ты не просто должен это имя придумать, но разглядеть, услышать, отгадать в явившемся на свет младенчике то имя, которое отразит его внутреннюю предрасположенность, поможет раскрыться ему как человеку. С трепетом мы ощущаем тогда, что, называя ребенка, мы становимся хоть в малой степени, но подобны Адаму в раю, когда тот давал имена животным и тем прозревал их назначение, их судьбу.



Александр Иванович Флоренский

Свое имя отец Павел очень любил и видел в нем важную направляющую своей судьбы. Близость через имя к апостолу язычников была важна священнику. Ведь и он, подобно апостолу, пережил духовный переворот. «Савл, Савл!» — услышал по дороге в Дамаск юный гонитель христиан и ученик фарисеев. «Павел!» — раздался во дворе тифлисского дома, где семейство Флоренских поселилось, когда старшему сыну пришла пора учиться, небесный зов, обращенный к другому юноше — страстному поклоннику научного знания,



Ольга Павловна Флоренская

исследователю и экспериментатору. Спустя недолгое время после услышанного зова и тот и другой вышли на проповедь: апостол проповедовал искушенным в философских знаниях эллинам, Флоренский хотел донести истину церковного православного христианства до заблудившейся в революционных мечтаниях и мистических исканиях интеллигенции. Оба приняли мученическую смерть и оставили в наследие нам свои писания.

Размышляя о сущности имени, отец Павел в свое время составил ряд очерков,

посвященных отдельным именам. Но особое место занимают среди них страницы, отведенные его собственному имени. Согласно найденной отцом Павлом Флоренским еврейской этимологии «Павел» — это и «желанный», и «желающий», «томящийся», «чающий». И чаёт он в первую очередь преодоления земной косности и греховности, томится по святому и неотмирному, ощущает глубинную связь с первоосновой бытия, ждёт встречи со своим Спасителем. Таким и был сам отец Павел: наделенный огромной страстью и волей к познанию, он от земной науки рвался к духовному ведению, к прикосновению мирам иным.

ДЕТСТВО

Детство — это особая часть жизни, выход из которой, как правило, связан с какой-то невосполнимой потерей. Покидая детство, мы словно бы уходим из сказки, и каждый раз, когда наша память рисует перед нами картины первых лет жизни, все овеяно в них таинственным светом. Как будто все вещи были тогда полнее, реальнее и живее, а мир — добрее и глубже, чем жесткий и тревожный мир взрослой жизни. В одном из своих трудов отец Павел писал, что детское сознание не есть недоразвитое взрослое, а другой тип сознания.

Будучи детьми, мы иначе смотрим на вещи, мы видим в них то, что потом перестаем различать. А когда становимся взрослыми, как будто в нас что-то выключается и мы слепнем.

Отец Павел называл детское мироощущение «сказочным мировоззрением чуда», и через всю свою жизнь он старался пронести этот взгляд на мир, сопротивляясь тому «взрослому» материализму, который угрожает поглотить ум и сердце любого человека. Для «взрослого» всякая вещь в этом мире есть то, что она есть, и только. Любое «А» всегда равно «А». Для ребенка это не так. Всякая вещь может легко превратиться во что-то совершенно иное. Прутик — в шпагу, заросли крапивы — в коварных врагов, которым надо срубить головы, куст орешника — в рыцарский замок, а пень — в коня. Всякая вещь для ребенка есть не только она сама, но и что-то другое. Так стремился смотреть на мир Павел Флоренский, став уже взрослым. Он ощущал все окружающее как тайну, через которую говорит с нами духовный мир. Вещи мира земного могут стать проводниками Божественных сил. Так, вода становится святой, а хлеб и вино прилагаются в Святые Таины.

При всей своей учености и серьезности отец Павел, может быть, до конца жизни оставался немножко ребенком, чуждым всей давящей практичности взрослой жизни. «Когда я был мал летами, я ужасно не хотел расти, — отмечал он в одном из писем. — Я обижался